место в жизни, что придает повести более острое социальное звучание. То обстоятельство, что в трех основных повестях XVII в. главными героями являются именно представители молодежи, конечно, не случайно и уже само по себе говорит, что их нельзя отрывать от проблемы взаимоотношения двух поколений. Рассматривая «Повесть о Горе-Злочастии» как отклик на борьбу «отцов и детей», я в то же время считаю, что ее морально-философское введение органически связано со всем последующим текстом и составляет с ним одно идейно-художественное целое. Так, молодец рассказывает на пиру «про свое ослушание родительское» почти теми же словами, какими введение говорит о последствиях нарушения прародителями божьей заповеди; в «книжном» введении постоянны дактилические окончания строк, есть свойственные народной речи повторения предлогов. Близость введения с остальным содержанием повести очевидна и без привлечения особой «притчи о бедственной судьбе человека», опубликованной в одной из статей Д. С. Лихачевым.[4] Я бы сказал даже, что эта притча сама нуждается в дополнительном изучении (содержание ее искусственно, прием «толкований» ведет к средневековым нравоучительным сборникам и т. д.).

По мнению Д. С. Лихачева, вводная часть «Повести о Горе-Злочастии» и является «главной опорой той точки зрения, что в повести основная тема — изображение жизни человека», она «прямо характеризует „племя человеческо“ теми же самыми словами, которыми характеризуется в повести и сам „молодец“».[5] Считая слова повести «Тако рождение человеческое от отца и от матери» началом рассказа о молодце, он рассматривает рождение молодца «как обобщенный образ „рождения человеческого“», а всю дальнейшую жизнь молодца определяет «как „жизнь человеческую“ вообще, подобно тому, как та же тема определяется и в основе известной евангельской притчи о блудном сыне».[6]

Мне кажется возможным и иное понимание введения. Автор повести, отстаивая позиции «отцов», исходил из положения, что всякое нарушение заветов старины, всякое непослушание влечет за собой суровую кару. Для него это была аксиома. Естественно было опереться при этом на авторитет Библии, взяв из нее классический пример — нарушение Адамом и Евою заповеди, изгнание из рая и дальнейшую трудную жизнь на земле. От них пошло племя «непокорливо», не слушавшее отца-матери. Потомки Адама «прямое смирение отринули» и вызвали новую кару разгневанного бога: он насылал «напасти великие», нашествия врагов, «злую, немерную наготу и босоту» и т. д., и все это «смиряючи нас» и «приводя нас на спасенный путь». В таком именно направлении, по понятиям автора, и развивалась вся история рода человеческого. И как общий вывод звучат заключительные слова введения: «Тако рождение человеческое от отца и от матери», т. е. так будет всегда — кто бы ни родился у своих родителей, каждого ждет кара за ослушание. А за этим суровым предостерегающим прологом, напоминающим об извечном законе возмездия, идет наглядная иллюстрация — история молодца, образ которого, взятый из действительности, обобщен до предела. Это, конечно, не «борец против опеки семьи над личностью»,[7] он просто ищет другой жизни, вне заветов старины, хочет жить «как ему любо». Его, как «ослушника», преследуют

---

[4] Д. С. Лихачев. Иносказание «жизни человеческой»..., стр. 26.

[5] Там же, стр. 25.

[6] Там же, стр. 26. Но ведь и притча о блудном сыне — ярчайшая иллюстрация того, что́ ждет детей, стремящихся выйти из-под родительской опеки. В этом причина ее исключительной популярности в литературе и искусстве средневековья.

[7] Д. С. Лихачев. Повесть о Горе-Злочастии, стр. 208.